

Наталия

Стеблюк

«ВО ВЛАСТИ УСКОЛЬЗАЮЩЕГО МИГА...»

Бывают поэты, скандально, даже шокирующе не соответствующие своим произведениям. Например, Франсуа Вийон, Артюр Рембо. Бывают такие, которые мистифицируют читателей придуманной маской загадочности или, допустим, «фам фаталь» – Зинаида Гиппиус. Бывают и те, кто скромно умалчивает в произведениях о своём героизме, как, например, лорд Байрон, эстет и романтик в творчестве, погибший в 36 лет, будучи участником войны за свободу Греции. И есть поэты, пишущие стихи как бы своей собственной жизнью и судьбой – Маяковский, Есенин, «шестидесятники». К этим пишущим жизнью относится и Сагин-Гирей. Это литературное имя Сагин-Гирея Байменова, который в обыденности еще и издатель, редактор, автор разноплановых эссе, миниатюр, переводов и многого другого.

Вот как он сам себя позиционирует:

Аристократ? Да что вы! Не люблю
вонючий ваш изысканный рокфор.
Все ваши «се ля ви» и «де жа вю»
возненавидел с некоторых пор.
И этот ваш притворный этикет,
придворные кривые штучки-дрючки.
Милее цыпки на ногах, колючки
в залатанных штанах из детских лет.
Мне это закалило плоть и дух
и отвратило навсегда от лоска
всех кабинетов, где разящий дух
карьер, продажности, низкопоклонства.
И комнаты отдельной дома нет,
куда б творцу порой уединиться.
Иду в поля, в сады... И белый свет
мне мастерская, кузница. Темница,
когда, зайдя в тупик, приговорю
себя к сраженью с внутренней разрухой...
...Нет, вы совсем не к моему двору.
И – как их там? «Аристократы духа»...

Конечно, назвав поэта аристократом духа, читатель имел в виду его духовность, самосовершенствование, благородство, широчайшую эрудицию. Но даже в таком переносном смысле поэт не приемлет аристократизм как класс. Сагин-Гирею в равной степени антипатичны и аристократия, и элита потребительского общества, и чиновничество околывысших сфер, которое поэт знает не понаслышке, поскольку дважды был приглашаем на руководящие культурой должности и оба раза сбегал обратно, «на землю», в журналистику, редактуру. В качестве критерия истинных ценностей и антипода выступают странные на первый взгляд образы: «цыпки на ногах, колочки в залатанных штанах из детских лет» и «поля, сады и белый свет» в качестве творческой мастерской. Две метонимии, тянущие из памяти читателей, родившихся ещё в Советском Союзе, огромный пласт ассоциаций про истинные ценности человека – а тогда они были духовными, и про счастливое детство – а оно у большинства было именно босоногим и не слишком богатым, но зато счастливым, благодаря всё тем же духовным ценностям, закладываемым в душу и родителями, и школой, и книгами, и многочисленными секциями и кружками, доступными каждому. Воскрешая воспоминания ребёнка, воспитанного в духе служения Родине, дружбы народов, морального кодекса строителя коммунизма, который, как известно, только названием отличался от заповедей Христа и сур Корана... Эта позиция праведника-бессеребряника даёт Сагин-Гирею возможность объективно и непредвзято оценивать окружающий мир, его настоящее, будущее и прошлое.

ЗОЛОТАЯ ОРДА

Говорят, приспели сроки
юбилейть – в честь Орды.
Что ж, шевелятся истоки –
неизбывны и горды.
Среди вертких, косолапых,
что бесстрашною ордой
мощно двинулись на Запад,
был мой пращур дорогой.
Он летел, стрелой пластаясь
на ветрах, резов и зол,
половчанин иль ногаец,
а скорей всего – монгол.
На коне, лихим кентавром,
он врывался в города.
И брала одним ударом
ошарашенных Орда.
И привольно воцарилась
аж почти на триста лет,
навязав ясак – как милость,
как броню от прочих бед.
Нет, то были не фашисты,
с кем сравнили в век иной
их, ордынцев, летописцы
поздней бойни мировой.

Я, конечно, предкам дальним
не великий адвокат.
Всё же: был он либеральным,
гнет Орды века назад.
А иначе – как могли бы
вечность целую терпеть
эту власть, молчать, как рыбы,
те, в ком должен гнев кипеть?
Всем свой срок! И сковырнула
Русь ордынцев и Орду.
Время круто повернуло –
взяли их самих в узду.
И потомков продержали
в ней за иго то в ответ,
по истории скрижалям,
тоже в общем триста лет.
Мы за эти вот столетья
понавиделись всего...
И усвоить бы, что нету
счастья выше, чем родство.
Породнились! Жили-были
в веке прошлом – долгий срок.
У семьи пятнадцать крыльев!
Только сбил нас лжи поток...
Снова распри, недоверие.
Нам сквозь мутное стекло,
как Орде, клокам империи,
все пути заволокло.
...А История всё учит
и устала нас учить.
Что ж нас так гордыня пучит?
Что ж не можем просто жить?
Просто жить – в любви и братстве,
спесь уняв племен и рас!
Сколько раз пытались братья!
Надо братья! Еще раз...

По объёму вложенной в стихотворение художественной информации это произведение можно назвать повестью в стихах. Начав с иронического выпада в сторону чиновничьего пристрастия к юбилеям – «говорят, приспели сроки юбилей в честь Орды» – поэт продолжает держать иронический тон почти до конца стихотворения. С иронией рисует живую, яркую, не лишённую романтизма картину завоевательских походов Орды. С доброй улыбкой вписывает в неё портрет предполагаемого предка. И с той же легкой иронией (но не забыв зацепить по пути саркастическим замечанием «летописцев поздней бойни мировой») предлагает читателю парадоксальную или, по меньшей мере, непривычную версию о том, что ордынцы были не такие уж жестокие, управляли

колонией разумно, «навязав ясак, как милость, как броню от прочих бед», поэтому их власть продлилась триста лет, а не была свергнута раньше. К тому же была-таки кармическая «ответка» – власть Российской империи над остатками бывшей Орды длилась «тоже в общем триста лет». Зато потом 70 лет жили одной семьёй. «У семьи 15 крыльев» – замечательная метафора 15 союзных республик! И здесь заканчивается ирония, позволявшая автору дистанцировать события подальше от сегодняшнего дня для лучшей объективности – «большое видится на расстоянии» (С. Есенин). Начинается и всё никак не закончится драма эпохи перемен. Но есть свет в конце тоннеля – великолепная концовка: «Просто жить – в любви и братстве, спесь уняв племен и рас! Сколько раз пытались братья! Надо братья! Еще раз...»

Стержневой темой гражданской лирики Сагин-Гирея являются современные реалии Казахстана в его связях с миром и временем. Поэт неустанно, с разных сторон осмысливает стремительные события последних лет. «Мангыстау», «Кантар», «Памяти Арона», «Круговорот властей в природе», «Башне Кок-Тобе», «Нобелевка», «Наджибулла (к 34-й годовщине вывода войск из Афганистана)» – названия, как заголовки газетных статей. События не просто констатируются, а осмысливаются с позиции диалектического материализма. Причём у музы Сагин-Гирея в руках не свиток и кифара, а фонендоскоп и сканер. Так уж устроено его социальное зрение, что под любым гримом и маскировкой оно фиксирует проблемы, несовершенства, недоработки. Диагностический нерв поэта безошибочно угадывает каждую из болевых точек и моментально начинает сканировать, насколько эта точка угрожает свести на нет позитивный эффект события или усилия по устройству нового, справедливого, процветающего общества.

Вот реакция поэта на отмену празднования Дня Победы в Казахстане с мотивацией, якобы, отсутствия средств. Фактор тревожности от такого решения усиливается тем обстоятельством, что молодые манкурты-политики, расценив запрет как негласное поощрение их агрессивной националистической позиции, вытащили откуда-то канувшее было в небытие мерзкое слово «победобесие» и заявляют во всё горло, что празднование Дня Победы означает унижительную зависимость Казахстана от России... Манкурты и глупцы.

Стихотворение написано 9 мая 2021 г., но как будто вчера.

ИУДИНО СЕМЯ

Разведчикам блистательного прошлого,
 обросшего кудрявым мхом легенд,
 придется, видно, очищать от пошлого
 налета лжи Победы монумент.
 Он, Памятник – из праха убиенных,
 из крови и жестоких ран отцов.
 Но есть уже шакалы и гиены,
 готовые к растлению Основ.
 Они в газетах твякают статьями,
 зловонья подпускают в наш эфир:
 мол, не согласны за кордоном с нами,
 мол, остальной иного мненья мир.

Мол, что имеем ныне, победители?
И отчего встаем опять с колен?
А там, за океаном, всё провидели:
пройдет полвека – и возьмут нас в плен.
Когда б не с праведным огнем и гневом мы,
когда б не вера в торжество добра,
и духа от провидцев этих не было б,
зияла б мироздания дыра!
...Отец мой тихо умирал, слабея
от старых ран, завещанных войной.
Как он стерпел бы эту ахинею,
глумленье над великою страной?
Ушел отец, позора не изведав.
Река времён обратно не течёт.
И всем торгующим ценой Победы
героев внуки да предъявят счёт.
Разбить хотело б Памятник до крошева
ворьё с иудиным клеймом на лбу!
И сталкерам армагеддона прошлого
пытать еще военную тропу.
И пригвождать предателей, поганящих
святую память тех, кто укротил
всемирной Злобы ад
и на пожарищах
вновь сад разбил
и плод Добра взрастил...

В стихах Сагин-Гирея гневный пафос всегда сочетается с объективным осмыслением проблемы, с аргументированными доводами и конструктивными предложениями решения. Строгое, выверенное следование классическим канонам стихосложения, последовательная верность истине, убежденность в неизблемости вечных человеческих ценностей – таковы основы художественного метода Сагин-Гирея. В своих оценках он всегда опирается на документально существующий материал или факт. Он не увлекается моделированием новых форм стиха, созданием новых психолингвистических образов, не любит вычурность. Он конструирует образы как бы из фрагментов самой действительности. Не интерпретирует, а фотографирует, показывает их читателю со всех сторон и, показав, делает логичный вывод. Его тропы (средства художественной выразительности) основаны не на фантазии автора, а на колоссальной концентрации значений, смыслов, ассоциаций, упакованных в одном, небольшом объёме образа. Но читатель – вот парадокс! – воспринимает их легко, летуче, без усилий. Но потом, когда вынырнешь из захватившего тебя потока, ощущения такие, словно прочитал целую книгу с захватывающим сюжетом.

«Люблю людей» – сказал Сагин-Гирей в одном из стихотворений. Это означает: показываю их такими, какие они есть на самом деле, без ретуши и фотошопа. Портретная галерея поэта – это, на мой взгляд, жемчужина его творчества. Вот, например, баллада о перипетиях судьбы простой аульной почтальонши.

РОВЕСНИЦА

...Лицо в морщинах. Покосился рот.
Глаза тусклы, и стать нужда согнула.
Навстречу мне ровесница идет,
простолюдинка, женщина аула.
А ведь была иной года назад.
В другой стране, с совсем иной моралью.
Аул ее был славен и богат.
Она носила почту. Не орали
начальники, разинув злую пасть,
а чинно-благородно отмечали
ее успехи, премии давали.
И кто б подумал, что могла б пропасть
такая работающая да бойкая,
когда ее так уважает люд,
когда семья затеяла пристройку
к большому дому – дети ведь растут!
...Всё рухнуло. И стало не до писем,
не до подписки, не до телеграмм.
Стал Казахстан высок и независим.
Аул стал тоже:
выживает сам!
Закрылись почта, детский сад и клуб.
Директор обернулся местным баем.
Теперь надменен и непробиваем,
и с черной костью неизменно груб.
Подались было дети в города,
да дикий рынок вышиб их оттуда.
Одна бы – как-нибудь,
а с ними трудно:
ведь есть-то надо.
А где взять? Беда.
...Не помнит, как перекосило рот.
А жизнь жестокая в дугу согнула.
Навстречу мне ровесница бредет.
Изгнанница родимого аула.

Ровный, полный сострадания, по-мужски сдержанный рассказ вызывает у читателя бурю эмоций – от жалости и сочувствия до негодования и гнева. Это и многочисленные подобные стихи Сагин-Гирея достойно продолжают традиции высокого гуманизма великой отечественной литературы.

В его портретной галерее много знаменитостей. При всём реализме изображения, при всей их популярности, каждый из них предстаёт в какой-то мере неожиданным для читателя. Поэт меняет точку зрения на человека, разрушая привычные стереотипы и лоск. Так, уважаемый даже после смерти М. С. Горбачёв, отец перестройки, оказывается предателем возглавляемой им страны, так и не осознавшим

своего предательства. А. С. Пушкин, как живой, выступает с монологом (с прямой речью, от своего лица!) о проблеме преемника, о поисках личности, достойной своих предков. В. В. Маяковский («Маяк»), отдавший всего себя построению социализма, увековечивший свою трудную любовь в стихах, вдруг осознаёт по отношению к себе двойное предательство: со стороны и соратников, и любимой. По версии поэта, его решение уйти из жизни обусловлено именно этим.

И вот ещё один штрих, который мне представляется важным для понимания самобытности поэта Сагин-Гирея. Это своего рода автопортрет в ретроспективе времени. В нём он предстаёт неисправимым романтиком, ценителем многообразия жизни и увлечённым мечтателем. И здесь становится понятной, говоря словами Станиславского, сверхзадача его гражданской лирики. То, ради чего он с таким упорством чистит и чистит Авгиевы конюшни, вновь и вновь звонит в корабельные склянки, упрямо надеясь, что эти склянки окажутся не на Корабле дураков.

КОРАБЛИ НА ЗАКАТЕ

Хотел отец, чтоб был я капитан.
Ну а меня поволокло в науки.
И вот, отбыв свой век, что был мне дан,
терзаюсь я сегодня сладкой мукой,
что не держал взаправду тот штурвал,
который в шутку мне давали в детстве.
Как много я на свете потерял,
блуждая в терниях несоответствий!
Служил радистом, и морзянки звук
из-под руки моей летел в пространства.
Был даже чином около наук
и вместе с ними по широтам странствовал.
И многими в судьбе перебивал,
и много перепробовал, но только
ни разу взрослым не крутил штурвал
не то что лайнера – простой моторки!
Так получилось... Я не виноват!
Но каждый раз, как смертную усталость,
переживаю: Корабли! Закат!
Уходят! Без меня!
Не состоялась
как будто жизнь.
Родителя завет
теперь в сознании мечтою мечется.
Но тщетно.
Даже снов достойных нет.
Лишь на закате корабли мерещатся...

